

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ермолаев Ю.В.

*Читинский государственный университет,
Чита*

*“Для Вашего осведомления по-
звольте Вам задать вопрос”*

Сэм Голдуин

Педагогическая антропология – самостоятельная отрасль науки об образовании, целостное и системное знание о человеке **воспитывающем** (выд.автором) и воспитываемом, как субъекте и объекте образования; интегративная наука, обобщающая различные знания о человеке в аспекте воспитания и обучения. Рассмотрим высшее образование в разрезе педагогической антропологии. Под высшим образованием в широком смысле слова понимают процесс воспитания и подготовки специалиста в некоторой области науки, техники, медицины и т.д. В наше время бурного развития и внедрения компьютерных и мультимедийных технологий в учебный процесс также быстро стали теряться многие черты, присущие человеческому обществу. Человечество всё более приобретает черты машинной логики, целесообразности. В технике стремятся наилучшим образом принять во внимание физиологические, психологические факторы при проектировании оборудования, обслуживаемого людьми, чтобы совокупная система человек – машина работала наиболее эффективным образом благодаря надлежащему согласованию её звеньев. Цель состоит не в устранении людей из функций системы, а в том, чтобы люди делали то, что они лучше всего могут делать. И в первую очередь – творческий процесс, который в наш век становится коллективным (исключая творчество людей искусства) и всё чаще возникают коммуникативные проблемы в отношениях людей друг с другом. На острие этих проблем находится США с передовыми компьютерными технологиями и большим числом социальных и психологических проблем. Так ли необходимо во всём повторять этот путь? Тем более, что, повторяя чей-то путь нельзя придумать что-то новое, а можно лишь повторить уже известное. В наши дни происходит всеобщее преклонение перед компьютерными технологиями и, как это всегда происходило, перед Западом. Как 50 лет назад кибернетика и генетика подвергались гонению, являясь буржуазными лженауками, с такой же энергией, часто достойной лучшего применения, мы берём от Запада всё в области образования, кивая на то, что “... вот там у них”. Не отвергая достоинств компьютера, вспомним о том, что говорят: “Такой-то – является учеником (академиком, профессором, доктором ...) N”. Но никто не говорит: “Такой-то обучался компьютерной программой, разработанной...”. Высшее образование теряет функции воспитателя, и всё больше принимает на себя функции только обучения некоторым устоявшимся навыкам и знаниям. Молодые люди, вышедшие из стен высших учебных заведений плохо адаптированы в социальном смысле и имеют жизненную установку “я хочу; мне нужно”, не соотнося при этом свои желания с окружающими их людьми. Актуальными становятся проблемы воспитания и привития

патриотизма подрастающему поколению, но это нельзя сделать, отдав воспитательные функции компьютеру. Во все времена наибольшую воспитательную эффективность имели действия типа – “делай как Я!” И воспитательные функции выполняли пионеры, комсомол, т.е. организации, состоящие из людей. Из выше сказанного можно сделать вывод - широкое внедрение компьютерных технологий в учебный процесс неизбежно, передовые информационные технологии имеют наибольшие перспективы в области повышения квалификации кадров, но их внедрение необходимо проводить планомерно, начиная с областей науки и техники, где широко используются компьютеры.

Когда же и на чьих примерах воспитывать подрастающее поколение, чтобы затем государству не тратить столько средств на их перевоспитание?

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ДИНАМИКА ОБРАЗОВАНИЯ

Жукова Е.Д.

*Башкирский государственный
педагогический университет,
Уфа*

Доминирующие социокультурные функции образования связаны с решением задачи социализации и инкультурации личности обучаемого. Что достигается посредством трансляции ему фрагментов общего и специального социального опыта, накопленного как человечеством в целом, так и профессиональным сообществом. Это предполагает введение человека в мир норм и правил социальной и культурной адекватности обществу и обучение его специализированным знаниям, умениям и навыкам продуктивной деятельности в рамках осваиваемой им социально-функциональной роли (профессии) в общественном разделении труда. Именно процессы инкультурации личности, усвоения ею норм и ценностей, регулирующих коллективную жизнедеятельность членов сообщества и поддерживающих необходимый уровень социальной консолидированности людей, ведут к непосредственному социальному воспроизводству сообщества как культурной системной целостности. Причем процессы социализации, усвоения человеком норм и технологий исполнения определенной социально-функциональной роли, преследуют цель подготовки квалифицированных кадров для поддержания и повышения уровня адаптивных возможностей сообщества в постоянно меняющихся исторических условиях его существования посредством выполнения и развития необходимых видов деятельности, познания, технологий, инструментария и т.п. [11].

Однако, в процессе стандартизации образования все очевиднее выявляются проблемы, связанные с поликультурными особенностями и регионально-этническими характеристиками социальной среды. Практическое значение последних в культуре связано, например, с мотивацией учения, выбором сферы деятельности, традиционным отношением к обучающему и т.д. Современное поколение стандартов высшего профессионального образования, казалось бы, учитывает данный аспект, включая так называемый

«национально-региональный компонент». Вместе с тем следует признать, что процесс формирования общеевропейского образовательного пространства входит в острые противоречия с попытками сохранить уникальность национальных форм социализации.

Национальная культура своими корнями уходит в традиционные формы культуры. Фактически традиционная культура европейских народов реализовала свой потенциал уже в восемнадцатом веке. Постепенно, «осев в фольклорных формах», она уступила место процессу формирования более сложных социальных инфраструктур общества. Но сам процесс формирования социальной страты, ее внутрикультурных связей, вплоть до последней трети девятнадцатого века продолжал носить традиционные формы.

Справедливости ради надо заметить, что и по сей день понимание содержания феномена страты неоднозначно. Даже социология, породившая данное понятие, относится к нему настороженно. Поэтому, мы считаем должным, объяснить свое видение данного понятия. Страта – социальная совокупность индивидов, групповая идентификация которых основывается на совпадении ценностных установок, основных бытовых взглядов и базисных мотивационных принципов мировоззрения. Данная трактовка опирается на содержание понятия социальной стратификации, выдвинутое в работе П.Сорокина «Социальная мобильность» [10, с.302]. Стержнем страты является семья как первый транслятор и интерпретатор системы ценностей, информации вообще. Если взглянуть на процесс формирования страты упрощенно-схематично, то в его основе, как определяющей всю дальнейшую систему, окажется выбор основной сферы деятельности. Социальный статус как один из показателей положения личности в системе стратификационной системы координат взаимосвязан, как известно, с родом деятельности. По сути, тоже происходит и на уровне отдельных социальных ячеек. Неравномерное распределение прав, привилегий, ответственности, обязанностей и доходов в обществе приводит к закреплению за определенными группами-классами форм деятельности, постепенно переходящих в традиционную социально-психологическую характеристику. Размещаясь в рамках исторически длительного периода, это закрепление приводит к развитию и некоторых антропологических показателей представителей данных групп. Опираясь на теорию развития архетипа К.Юнга, можно утверждать, что через поколения многие профессионально значимые категории восприятия мира переходят в подсознательные психологические установки, определяющие, прежде всего формы быденного существования. Обыденная культура достаточно долгое время остается основной системой трансляции социального опыта. В том числе и формирующихся в недрах первых стратификационных форм профессиональных представлений. Ибо форма деятельности определяет всю совокупность норм бытования.

Естественное духовное соответствие культуры быденной и культуры профессиональной, являющееся залогом сохранения национальных традиций, было разрушено процессом формирования индустриального общества, а вместе с ним и урбанизацией. Культура

городского производителя изначально несет в себе потенциал самораспада гармоничного единства культуры быденности и профессионализма. Это связано с появлением в культуре города новых обстоятельств выживания, когда перепроизводство индивидов в определенных профессиональных группах, приводит к их обнищанию. И в жизни одного из последующих поколений может сложиться ситуация, в которой его представителям придется искать возможность перехода в иную социально-профессиональную группу. Этот переход сопровождается изменением отдельных житейско-бытовых установок, а со временем и переоценкой основополагающих принципов жизни.

Сложно расщепленная структура взаимодействий городской культуры с внешним миром, в наши дни привела к формированию нового типа культуры – мозаичной, которая в процессе развития порождает феномен массовой культуры. Массовая культура все еще остается сравнительно малоосмысленным феноменом с точки зрения общей теории культуры. Но нельзя не отметить, что в последние годы появились исследования социальных функций культуры, в которых массовая культура трактуется как транслятор культурных смыслов от специализированной культуры к быденному сознанию [6].

По своей внутренней сущности мозаичная культура близка культуре маргинальной. На первый взгляд подобное заявление может показаться спорным. Но обратимся к содержанию данных понятий [8, с.432]. Маргинальность, как ее традиционно трактуют – пограничное положение человека в системе ценностей культуры, когда обстоятельства новой культурной среды выводят индивида на необходимость полного отказа (что психологически невозможно) от старых ценностных ориентиров и обращения к новым (что так же затруднено ментально и психологически). Впрочем, можно воспользоваться другим определением [6, с.163]. В котором маргинальность – особые черты сознания и поведения представителей социальных субгрупп, которые в силу обстоятельств, не способны интегрироваться в большое референтное сообщество, по отношению к которому и выступают, как маргиналы. Другими словами, человек оказывается как бы вне ценностей культуры, в которой должен функционировать как носитель. Определение мозаичной культуры как такового в известной нам литературе не дано. Следуя логике А.Моля, можно попытаться реконструировать информационно-ценностные структуры мозаичной культуры. Применительно к процессам формирования систем культурных ценностей, мозаичная культура должна отличаться достаточной мерой спонтанности и хаотичности в присвоении индивидом духовных ценностей по мере его продвижения по социальным структурам, то есть, их размытостью. Однако ее отличительной характеристикой является позитивная открытость к новаторству в культуре, с одной стороны, и толерантные компоненты мировосприятия, с другой. Впрочем, на наш взгляд, в новой культурно-информационной среде постиндустриального общества, маргинальность превращается в норму общей культуры личности, определяющей ценностные структуры мозаичных связей, составляющих культуру общества.

Анализ культурологической и педагогической литературы показывает, что, несмотря на употребление термина «мозаичная культура», никто из авторов не дает его определения. Нет его и в педагогических словарях. Справедливости ради следует отметить, что и автор термина, французский исследователь А.Моль, также не раскрыл его содержание [5]. С нашей точки зрения, мозаичная культура представляет собой процесс социализации личности, основанный на хаотичном влиянии социокультурной среды в процессе формирования социальной страты. Появление мозаичной культуры связано с внутренним – сущностным – содержанием процесса социализации, находящегося в прямой зависимости от скорости формирования страты в новом информационном поле культуры.

Когда речь идет о скорости формирования в современном обществе новых страт, прежде всего, учитывается тот факт, что на рубеже XIX-XX столетий данный процесс охватывал жизнь одного-двух поколений. Сегодня на протяжении одной жизни человек может не раз социально стратифицироваться как по горизонтали, так и вертикали, входить во вновь образующиеся страты. Хотя сам механизм формирования страт остался прежним, значительно увеличилась скорость его «срабатывания». В результате внешние рамки обыденной культуры, создававшие некую базу для инкультурации, фактически размылись, не успевая сформироваться за отведенный промежуток времени. Темпоральный вакуум заполнила массовая культура. Надо заметить, что именно она, а не образование, сегодня в большей степени наполняет содержанием процесс инкультурации. Это следует признать, ибо в любом другом случае мы не сможем осознанно и реально изменить ситуацию в пользу образования.

Особым условием становления индивида сегодня является и проблема полиэтничного характера современной культуры. Причем, проблема полиэтничности культуры на прямую связана с мозаичностью культуры, т.к. полиэтничный характер сегодня характерен самой стране. Смешанные браки приводят к формированию страт в системе ценностных ориентаций которых происходит переплетение представлений разных народов. Впрочем, мы вынуждены вновь пояснить нашу позицию, по поводу понятия «полиэтничность».

Сегодня понятие «полиэтничность» весьма широко используется всеми направлениями гуманитарного знания. В нашем видении, полиэтничность выступает как характеристика культуры определенных обществ, в которых она (культура) строится на ежедневных межкультурных взаимодействиях индивидов – представителей различных этносов. В результате данных взаимодействий выстраивается более или менее стабильная культурная общность. Именно поэтому полиэтничность - одна из особых составляющих мозаичности культуры, особо задевающая гуманитарную сферу вообще, образование в частности. Если научно-технические и естественные дисциплины остаются интернациональными областями знания, то поиски и выводы наук гуманитарных, несущих аксиологическую основу, не воспринимаются всем человечеством однозначно. Вот по какой причине проблемы

гуманизации и гуманитаризации образования, как основные формы инкультурации, должны оставаться в сфере интересов проектирования образовательных систем.

Мозаичная культура разрушила традиционные гуманитарные формы социализации и инкультурации, основанные на линейной логике внутридисциплинарных причинно-следственных связей. Если основным принципом традиционной гуманитарной формы культурной трансляции знаний является упорядочивание понятий (при сохранении не алгоритмизированного содержания), то мозаичная культура как бы «выплескивает» в культурное информационное поле их случайную совокупность, пытаясь внести алгоритм в мельчайшую составляющую информации. В наши дни лейтмотивом гуманитаризации должно стать создание новых гуманитарных форм, способных восстанавливать логические связи вне линейности между изучаемыми дисциплинами.

Образование по определению гуманитарно, т.к. направленно на социализацию человека с одной стороны, на выявление его индивидуальной культурной ценности, с другой. В «теле» образования изначально заложен «ген» гуманизма, поскольку образование создает предпосылки системы самосохранения человека в культуре. Однако, анализируя динамику исторического развития идей гуманизма в образовании, приходишь к выводу о неоднозначности их трактовок. В одном случае, перед нами стремление к гуманизму как к некоей цели, что в истории часто заканчивалось полной профанацией самой идеи. В другом случае – это идеология, обосновывающая содержание культуры и выражающаяся в рассуждениях о том, какой человек есть ценность. Наконец, в третьем случае, перед нами заданная система ключевых рамок-ценностей, жестко (а значит и не столь уж гуманно) определяющая формы и содержание культуры в целом.

Феномен и парадокс образования состоит в том, что, определяя вектор развития культуры, оно само руководствуется системными рамками наличной культуры. Содержательная сторона образования связана с ценностными ориентациями и гуманистической или иной направленностью этой сферы, степенью свободы педагога и содержанием его социальной роли, а также нормами взаимоотношений учителя и ученика, что лежит более в сфере типологии педагогической культуры, достаточно глубоко проработанной В.Л.Бениным [1]. Данный анализ показывает, что внешняя векторность образования в культурной системе хоть и очевидна, но неосознанна наукознанием. Анализ же исторических типологий системы образования показывает, что любое проектирование в сфере образования - это всегда проектирование некоего идеального системного результата, как правило, выраженного в исторически обусловленных представлениях об идеальной личности. Однако достижение этого идеала как бы изолировано от культурных реалий и взаимодействий [1, с.122]. Другими словами, когда мы рассматриваем систему образования в ее историческом развитии извне, то замечаем мельчайшие нюансы влияний культурных связей. Становятся очевидными влияние и политических систем, и международных взаимодействий, и макро- и микро- экономи-

ческих изменений... Но стоит исследователям уйти «внутрь» этой системы, как складывается впечатление, что внешних воздействий как бы и вовсе не существует. Во всяком случае, педагогическая наука, как саморефлексия системы образования, в создании собственных моделей чаще всего старается абстрагироваться от внешних воздействий.

Образование как фактор развития личности является ключевым для осмысления современной образовательной парадигмы. Образование, как составляющая процесса социализации индивида гораздо более сложный феномен, чем система образования, осуществляющая воспроизводство по заданным моделям-идеалам и образцам, действующая согласно четко разработанным алгоритмизированным инструкциям и регулятивам. Образование как система передачи определенного, выделенного актуальной культурой, необходимого для дальнейшего развития исторического, социального, национального и прочего опыта, без алгоритмизации существовать, конечно, не может. Как подчеркивалось выше, алгоритмизацию порождает процесс расширения массовости образования, его всеобщность и вседоступность. Однако, современная тенденция связывать образование с «задачей» поиска и утверждения «назначения человека», задает новые рамки требований к структурам, содержанию и методам образовательных систем. При этом разработка данных требований невозможна без установления всей совокупности сложных связей мозаичного, поликультурного пространства. Поскольку в мозаичной культуре знание не является результатом целенаправленных систематических усилий, а является продуктом переработки сознанием притока из внешней среды самой разнообразной информации – этот факт нельзя не учитывать, рассматривая вопросы развития образования XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенин В.Л. Педагогическая культура: фило-софско-социологический анализ. – Уфа, 1997.
2. Видт И.Е. Образование как феномен культуры. – Тюмень, 2006.
3. Кононенко Б.И. Культурология: словарь. – М., 2002.
4. Люрья Н.А. Образование как феномен культуры и фактор развития личности: автореф. Дис. ... докт. Философ. Наук. – Томск, 1997.
5. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973.
6. Орлова Э.А. Динамика культуры и целепологающая активность человека //Морфология культуры: структура и динамика. –М., 1994.
7. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. – М., 2000.
8. Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993.
9. Приходько Д.К. Политический анализ тоталитарной и демократической систем образования //Образование в Сибири. – 1995. №1.
10. Сорокин П. Социальная мобильность //Человек. Цивилизация. Общество. –М., 1992.
11. Флиер Л.Я. Культурология для культурологов.- М., 2000.
12. Хуторской А.В. Методологические основы лично-ориентированного направления модернизации российской школы //Педагогический журнал. – Оренбург, 4(5), 2002.

КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В ДОРОЖНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Иванов В.Н.

*Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
Омск*

Понимание рациональности с точки зрения организации-заказчика по строительству, эксплуатации и содержанию транспортного сооружения, организации-подрядчика и конечного потребителя его полезных свойств к настоящему времени отличается.

Вопрос рационального природопользования при использовании транспортных сооружений потребителями локализуется экономическим решением вопросов о месте и сроках строительства, выбора типа конструкций и расчетных сроков их эксплуатации.

Вопрос рационального природопользования с точки зрения заказчика строительства, эксплуатации и содержания транспортного сооружения сводится к оптимизации результатов его использования конечными потребителями и затрат, которые необходимо понести при выполнении соответствующих работ подрядными организациями.

Вопрос оптимизации работ подрядных организаций по строительству, эксплуатации и содержанию дорог и других объектов сводится к выбору комплексных организационно-технологических решений, составной частью которого является оптимизация средств труда этих организаций – систем ведущих, вспомогательных и обслуживающих их машин и механизмов.

В рамках поставленной темы рассмотрим последний вопрос более детально.

Выполненное исследование по поставленной проблеме можно структурировать следующим образом.

Первоначально были систематизированы факторы, оказывающие влияние на эффективность технологических и организационных решений, в том числе и на использование парка машин. Выполнено позиционирование парка машин среди требующих оптимизации взаимосвязанных систем различного уровня. На основе факторного анализа аналитически описана взаимосвязь между эффективностью организационно-технологических решений и используемыми средствами механизации, а также других видов ресурсов. Результаты исследований по этому этапу отражены в источниках [13, 14].

Далее был проведен ретроспективный анализ системы критериев оценки эффективности использования систем машин строительных организаций. В результате была установлена целесообразность использования интегрального критерия эффективности аналитически связывающего в единую размерность частные показатели, входящие в него. Обосновано с